

УДК 94(47). 082/083 + 929 Милютин

ОБЗОР «ДНЕВНИКА» ВОЕННОГО МИНИСТРА ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МИЛЮТИНА. 1878–1882 ГОДЫ

К.В. Белов

Саратовский государственный университет
E-mail: nordkvb111@gmail.com

В работе даётся обзор дневниковых записей военного министра Д.А. Милютин за 1878–1882 гг. В данный период шло усиление позиций этого известного реформатора, ставшего к тому времени крупным политическим деятелем, на которого была возложена большая ответственность за проведение внешнеполитического курса государства. Д.А. Милютину пришлось решать ряд насущных проблем как во внутриполитической, так и во внешнеполитической сферах. Вплоть до своей отставки военный министр способствовал тому, чтобы Российская империя не оказалась опять в международной изоляции, за исключением решения среднеазиатской проблемы шёл на компромисс для того, чтобы помочь разрешить спорные вопросы по Балканам и Ближнему Востоку. Дневник как важный источник даёт возможность получить достаточно ясную картину происходящего в проводимой политике, которая была поддержана министром-реформатором Д.А. Милютиным.

Ключевые слова: Особое присутствие Государственного совета, защита черноморских проливов, европейское международное право, Адрианопольский вилайет, «Балканская конфедерация», Берлинский трактат, Тырновская конституция, международная дипломатическая изоляция, «конституционная реформа».

Review of the Diary of Minister of War D.A. Miliutin. 1878–1882

K.V. Belov

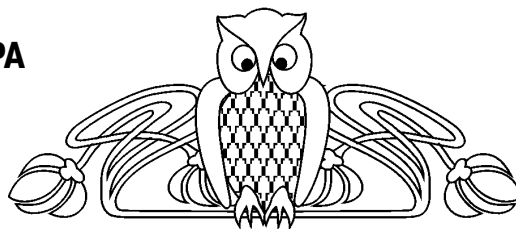
The article reviews the diary of the Minister of War D.A. Miliutin, 1878–1882. This period is marked by strengthening of Miliutin's position. By that time he became an important political figure who determined the national foreign policy. D.A. Miliutin was to solve a number of urgent problems both domestically and internationally.

Until his resignation his main course of action was to avoid the possibility of international isolation for Russia again. Except Central Asiatic problem he was ready to compromise in order to solve the disputable questions about Balkans and Near East.

Being an important source of historical information the Diary gives a clear picture of the politics supported by the minister-reformer D.A. Miliutin.

Key words: Special Meeting of the State Council, protection of the Black Sea straits, European International law, the vilayet of Adrianople, «The Balkan Confederation», The Treaty of Berlin, The Constitution of Tyrnovo, international diplomatic isolation, «constitutional reform».

Мемуарное наследие – «Дневник» и «Воспоминания» Дмитрия Алексеевича Милютин, известного государственного деятеля, военного министра и учёного – военного историка, пережившего четырёх самодержцев (Александра I, Николая I, Александра II и Александра III) и

заставшего первое десятилетие XX в., вызывает значительный интерес при изучении истории данного периода.

Собственно «Дневник» как первая часть мемуаров военного министра был опубликован в 1947–1950 гг. и состоит из четырёх томов, где охватывается период с 1873 по 1882 г.¹ В настоящее время – с 2008 г. – издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) начало выпускать новую, более полную версию «Дневника» Д.А. Милютин в пяти томах за 1873–1899 гг. Вышел пока только первый том². В первоначальной и новой редакциях данного труда первый том (1873–1875 гг.) содержит в виде вступительной части биографический очерк о видном государственном деятеле.

Д.А. Милютин начал вести Дневник с 8 апреля 1873 г., со времени заседаний Особого присутствия Государственного совета для обсуждения проекта о воинской повинности³. Сведения об этом являются основным фоном повествования в данном томе. Здесь же подробно описывается деятельность как самого военного министра, так и его соратников – А.А. Абазы, князя М.Т. Лорис-Меликова, великого князя Константина Николаевича и других, сумевших добиться реализации этого законопроекта, несмотря на противодействие со стороны одиозной личности – министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и шефа жандармов графа П.А. Шувалова. В этом же томе анализируются военные операции русских войск против Хивинского ханства и большое количество эпизодов, непосредственно связанных с прямыми обязанностями Д.А. Милютин на посту военного министра. Это, например, приёмы, участие в парадах, смотрах, сопровождение коронованных особ вроде германского императора Вильгельма I и австрийского императора Франца-Иосифа I. Небезынтересны такие сведения, как посещения военным министром военных округов весной-летом 1875 г. для инспектирования военно-учебных заведений.

Во втором томе «Дневника» (1876–1877 гг.), вышедшего в 1949 г., помещены сведения о восточном кризисе и начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁴ Описываются также действия русских войск во главе с «белым генералом» М.Д. Скобелевым и присоединение к империи Кокандского ханства (по Высочайшему указу от 19 февраля 1876 г. ставшего Ферганской областью)⁵. В этом же томе Д.А. Милютин очень подробно показывает ход переговоров по разрешению Восточного кризиса с Германией и Австро-Венгрией. Большое

количество фактического материала посвящено Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сам автор «Дневника» сопровождал императора Александра II по театру военных действий в первый год войны – с 17 апреля по 10 декабря 1877 г.⁶

Последние тома, третий и четвёртый, где Д.А. Милютин вёл дневниковые записи с 1878 по 1880 г. и с 1881 по 1882 г. соответственно вышли в 1950 г. Первоначально было заявлено, что «Дневник» будет содержать записи до 1886 г. включительно, но в последнем томе последняя же дата приходится на конец 1882 года. Это объясняется тем, что дневниковые записи, охватывающие последующие 4 года, повествовали в первую очередь о семейных делах Милютина и малоинтересны для исследователей⁷. Это решение издателей может быть оправдано тем, что военный министр ушёл в отставку 22 мая 1881 г., после чего оказывал лишь косвенное влияние на политический курс. Между тем из введения в последнем томе следует, что в записях 1883–1886 гг. освещены не только «семейные дела». С бывшим министром консультировались по поводу возобновления «Союза трёх императоров», и он даёт некоторую информацию об отчётах по переговорам в 1886 г. с турками об оборонительном союзе по совместной защите черноморских проливов. Вдобавок в течение этого времени Д.А. Милютин часто обсуждал проблемы страны со многими видными российскими государственными деятелями⁸. Необходимо отметить, что незавершенность редакции «Дневника» ни в коей мере не умаляет достоинства опубликованных четырёх томов, которые являются основным источником для изучения переломных лет – 1873–1882 гг.⁹

В данной статье обзор охватывает только III и IV тома «Дневника» (1878–1882 гг.) – это период, когда влияние военного министра стало довольно-таки весомым в сфере международных отношений и будучи фактическим руководителем внешней политики, он принимал участие и в решении внутриполитических проблем. Д.А. Милютин являлся сдержанным, трезвомыслящим политиком, следовательно, он был одним из главных противников тех, кто склонялся к авантюрам и тем более ошибкам, как ему казалось, в проведении внешней политики. В то время, когда шла Русско-турецкая война, престарелый канцлер и глава министерства иностранных дел светлейший князь А.М. Горчаков всё более и более терял контроль над ситуацией. И последствием этого явилось то, что основные внешнеполитические решения выносились в большей степени не его ведомством или тем более его помощником Н.К. Гирсом, а как раз Д.А. Милютиным. Царь не предпринимал никаких действий без того, чтобы сначала не посоветоваться со своим военным министром. Таким образом, Д.А. Милютин с 1878 по 1881 г. работал и как глава своего ведомства, и как лицо, наделённое большими полномочиями, ответственное за внешнюю политику¹⁰.

Одной из первых серьёзных проблем, с которой ему пришлось столкнуться, явился Берлинский конгресс, шедший с 1 июня по 1 июля 1878 г. Возможно, лучше чем кто-либо Д.А. Милютин осознавал всю безнадёжность международного положения России. Он понимал, что преобразования вооружённых сил империи ещё были слишком далеки до своего завершения (это негативно сказалось в войне с Турцией). В такой ситуации военный министр мог прибыть в Берлин только с трезвой оценкой происходящего. Вообще каковы бы не были результаты Берлинской конференции, Д.А. Милютин верил, что в далёкой перспективе они будут менее тяжёлыми, чем та судьба, на которую Россия будет обречена в случае, если разразится новая общеевропейская война¹¹. Такая политика примирения и уступок не вызывала симпатий и поддержки в обществе, в частности, со стороны представителей славянофильства. Особенно яростным противником подобного положения вещей был один из его идеологов – И.С. Аксаков, выступавший к тому же с позиций панславизма. Известный публицист и общественный деятель, редактор газеты «Молва», издатель газет «День», «Москва», «Русь» и журнала «Русская беседа», он осуждал принятые решения, в том числе Берлинский трактат, заключённый 1 июля 1878 г.¹² Мистикий славянофил обличал лицемерии и коварстве всю европейскую дипломатию, особенно «досталось» от него Великобритани и Австро-Венгрии, которые, по его глубокому убеждению, делали всё возможное, чтобы ослабить российское влияние на Балканском полуострове и ухудшить тем самым положение проживающих там славянских народов¹³. Д.А. Милютин чётко себе представлял позицию русских дипломатов на Берлинском конгрессе, которая определялась тем, что Россия в тот момент оказалась слабой в экономическом и политическом плане и вести новую войну с европейской коалицией вовсе не могла. Поэтому, по мнению военного министра, славянофилы могли принести только лишь вред тем курсом, который они стремились проводить, если бы им это удалось¹⁴.

Полностью осознавая эти слабости, Д.А. Милютин изыскивал наилучшие средства защиты интересов России в стратегически важных областях. Его самый последний проект относился к решению Восточного вопроса. В Западной Европе бытовала основная точка зрения, согласно которой Россия стремилась захватить черноморские проливы. Несмотря на то, что были государственные деятели, стремившиеся к этой цели, Д.А. Милютин не входил в их число. Его главная задача состояла в том, чтобы не допустить противника к захвату выхода в Чёрное море – Босфор, а также не допустить доминирования ни одной из великих держав на Балканах¹⁵. Для гарантий этого он предложил, чтобы проливы и Мраморное море получили статус нейтральных территорий. Впоследствии их можно было бы поставить под контроль международной комиссии со своим штабом, располагавшимся в

Константинополе. Присутствие любого военного корабля в данных водах без специального разрешения комиссии считалось бы нарушением Европейского международного права¹⁶.

Видение Д.А. Милютиним балканской проблемы исходило из того, что империя Османов, как он себе это представлял, сохраняя средневековые пережитки, в конце концов, рухнет. Следовательно, необходимо будет привлечь к решению Восточного вопроса европейские державы, которые могли бы выделить средства, чтобы удовлетворить требования народов Балканского полуострова, в том числе славянских, свыше 400 лет находившихся под тяжким гнѐтом Порты: установление автономии, сохранение мира и порядка в регионе. Убеждённый, что лучше было бы иметь чётко разработанную схему действий, перед тем как разразится очередной кризис, военный министр в октябре 1880 г. подал составленную им записку «Мысль о возможном решении Восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи» императору Александру II. В этом документе был представлен план разрешения этой сложной проблемы. Согласно ему Османское влияние должно быть ограничено азиатским берегом проливов, за исключением Константинополя с прилегающим к нему небольшим районом (Адрианопольский вилайет), уходящим от прибрежной полосы в глубь Европейского материка¹⁷. Далее Балканские государства могли бы быть организованы в своеобразную конфедерацию, состоящую из Сербии, Болгарии, Черногории, Румынии, Албании, Греции, а также Боснии и Герцеговины, которые оставались бы в составе Австро-Венгерской империи. Каждое государство – член конфедерации – обладало бы собственной конституцией и статусом полной автономии в решении внутривнутриполитических проблем; различные государственные ассамблеи могли бы посылать представителей в парламент конфедерации. Само же это образование находилось бы под протекторатом европейских держав¹⁸. Д.А. Милютин позже признал, что предлагал утопическое решение проблем, хотя шанс, правда, небольшой, усилить российское влияние имелся. Заманчивой идеей являлось то, что при посредничестве одного из членов предполагаемой «Балканской конфедерации» можно было бы укрепить пошатнувшийся авторитет Российской империи. На роль таких посредников и «защитников» российских интересов на Балканах подошли бы Болгария или Черногория, в то время дружелюбно настроенные. Еще до и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. повстанцам Черногории во главе с их князем Николаем I Петровичем Негошем лично помогал сам Д.А. Милютин, содействуя им в снабжении оружием и продовольствием¹⁹. Министру не удалось объяснить, как конфедерация могла бы функционировать, тем более, что её парламент вряд ли был способен разрешать возникшие на полуострове даже локальные пробле-

мы, особенно после ратификации 1 июля 1878 г. Берлинского трактата²⁰. Серьёзным недостатком этого плана явилось желание военного министра видеть границы таких государств, проведёнными по этнографическому принципу. Было весьма сомнительно, примут ли такое положение заинтересованные государства, особенно Македония, оставшаяся, согласно трактату, в составе Османской империи²¹. Более того, отдельные аспекты данного плана нанесли бы урон международному положению России. Например, включение Боснии и Герцеговины в конфедерацию значительно усилили бы антироссийские позиции Австро-Венгрии. Правящие круги Великобритании также могли бы лишиться раз поздравить себя с успехом и получить дополнительные политические «очки». Но всё же Д.А. Милютин допускал, идя на компромисс ради сохранения «Союза трёх императоров» и политического баланса в Европе, жертвуя планами налаживания в перспективе партнёрских отношений с Францией, что эти две балканские провинции, оставаясь под властью Габсбургов, могли бы войти в конфедерацию на условиях, похожих на условия, при которых когда-то сами австрийцы входили в бывшую германскую конфедерацию – «Германский союз». Австро-Венгрия, безусловно, извлекла бы для себя немалую пользу – напрямую участвовала бы в решениях по делам «Балканской конфедерации». России пришлось бы умерить своё влияние в этом регионе, что в конечном счёте и произошло, в противном случае опять можно было бы прийти к конфронтации с европейскими державами.

План создания такой «Балканской конфедерации» действительно демонстрирует, как далеко Д.А. Милютин был готов пойти, чтобы найти верное решение, позволявшее предотвратить войну, к которой Россия не была готова.

Отношение Д.А. Милютина к только что образовавшемуся автономному княжеству Болгарии после кровопролитной войны с Турцией также было тесно связано с его взглядами на Восточный вопрос. Болгария была важна для него, поскольку её армия, обученная русскими офицерами и построенная по образцу русской армии, могла быть в случае необходимости использована для обороны черноморских проливов. Руководствуясь этим, военный министр был убеждённым сторонником линии, проводимой либеральной партией в Болгарии, и принятой 6 апреля 1879 г. Тырновской конституции, первой конституции страны²². Поэтому он был противником абсолютистских тенденций Александра Баттенбергского, австрийца по происхождению, первого князя Болгарии²³. Д.А. Милютин желал бы видеть на болгарском престоле другую кандидатуру – родственника черногорского князя Николая I Петровича Негоша – Божидара Петровича Негоша²⁴. Преобладание соответствующих взглядов военного министра продолжалось до восшествия на престол Александра III, который оказывал всевозможную под-

держку болгарскому правителю, своему кузену, в его попытке усилить власть. В результате составление конституции было приостановлено. После конфликтов с болгарским властителем Александром Баттенбергом самодержец был вынужден вернуться к милютинской политике, подтверждая мудрость ранее предложенной программы²⁵.

В отношении между Россией и Великобританией на Ближнем Востоке Милютин пытался избежать всяческих конфликтов. Он опасался, что «владычица морей» заключит военный союз с другой европейской державой, возможно с империей Габсбургов, чтобы не допустить распространения российского влияния на Балканах. Вот поэтому он приветствовал создание кабинета министров во главе с премьер-министром У. Гладстоном весной 1880 г., хотя вскоре понял, что и этот премьер также не был готов к уступкам интересами Британии в пользу России на Ближнем Востоке²⁶. Позиция же военного министра по отношению к Великобритании, имевшей значительное влияние в Средней Азии, была осторожной, так как в случае осложнений в этом регионе мог возникнуть военный конфликт²⁷. Однако опасность формирования новой европейской коалиции оказалась отдалённой, и все проблемы свелись к разрешению конфликта только в этом регионе²⁸.

Другой серьёзной проблемой, как было сказано, занимавшей Д.А. Милютину в тот период, было взаимоотношение с Германией и существование «Союза трёх императоров». Хотя военный министр и был за принятие договора, но немцы смотрели на него как на сторонника проведения антигерманского направления в России. Бисмарк в августе 1879 г. так писал о российском военном деятеле: «Министром, оказывающим сейчас значительное влияние на императора Александра, является Милютин. Он известен тем, что носит в своём сердце ненависть ко всему германскому, прежде всего к прибалтийским немцам, но также и против нас»²⁹. Д.А. Милютину очень не нравилась та подозрительность, с которой к нему относились германские правящие круги, особенно со стороны «железного» канцлера, князя О. фон Бисмарка и начальника германского Генерального штаба фельдмаршала Г. фон Мольтке-старшего. Недоверие к Д.А. Милютину усилилось вследствие передислокации нескольких кавалерийских дивизий на границе, что дало возможность германской стороне обвинить военного министра в агрессивности и сделать ответные шаги в качестве мер противодействия укреплению российской мощи³⁰. В своём дневнике Д.А. Милютин пишет, что увеличение количества русских солдат в данном регионе было оборонительной, а не наступательной мерой. Для него строительство стратегически важных железных дорог, идущих вдоль границ, да и вообще – расширение сети данных коммуникаций в империи, в том числе соединение европейской части с Дальним Востоком, являлось одной из первоочередных задач. В

правящих кругах Российской империи понимали, что Германия могла гораздо легче мобилизовать свои войска и в 4 раза быстрее, чем Россия, произвести развёртывание своих вооружённых сил³¹. Милютин не считал себя сторонником аксаковской «антигерманской партии», но должен был принять меры для обороны своей страны. Военный министр действительно поддержал переговоры, которые вели к формированию «Союза». Несмотря на лично негативное отношение и, признание большой опасности возникновения международной дипломатической изоляции, он верил, что соглашения с имперской Германией поможет сохранить «статус-кво» и даст России некую безопасность на проливах³². Дневниковые записи показывают серьёзные трудности в отношениях с послом П.А. Сабуровым по вопросу переговоров о «Союзе трёх императоров»³³.

Проблемы, стоящие перед российским министерством иностранных дел, не сводились исключительно к взаимоотношениям с другими государствами, и дневниковые записи за 1880 г. в значительной мере отражают трения и отсутствие скоординированности в Санкт-Петербурге. Большие сложности заключались в том, что царь не имел храбрости отправить в отставку канцлера и главу МИДа А.М. Горчакова, которому уже перевалило за 80 лет³⁴. Формально канцлер Российской империи и как управляющий министерством иностранных дел был на посту до 1882 г., хотя ещё с середины 1879 г. он практически отошёл от своих обязанностей. Положение его заместителя Н.К. Гирса также было неустойчивым. Часто самодержец приказывал Гирсу выполнить какое-либо распоряжение в тайне от А.М. Горчакова и всего министерства. «В каком ещё другом государстве могло существовать такое положение дел», – отмечал Д.А. Милютин в своём «Дневнике»³⁵. Его озабоченность данной ситуацией вытекала из того факта, что царь из-за неспособности канцлера стал проявлять всё больший интерес к международным делам и действовал импульсивно, руководствуясь первыми впечатлениями, что могло, в конце концов, привести империю к печальным последствиям.

В последние годы своей службы Д.А. Милютин активно занимался внешней политикой, но он также не терял интереса и к внутривосточным проблемам. Военный министр являлся одним из самых авторитетных деятелей либерального лагеря, борющихся за дальнейшее проведение буржуазных реформ. В июле 1881 г., после своей отставки, он ознакомился с сочинением А. де Токвиля «Старый режим и революция» (“L’ancien regime et la revolution”) и И. Тэна «Истоки современной Франции» (“Les origines de la France contemporaine”). Министр нашёл в труде Токвиля многое, напомнившие ему состояние современной России, и пришёл к выводу, что она могла многому научиться из истории Западной Европы до 1789 года. Д.А. Милютин подверг сомнению тот базис, на основе которого славянофилы при-

держивались мнения о так называемой неповторимости русского народа, идущего по своему самобытному пути для достижения своей великой миссии³⁶. Д.А. Милютин был убеждён, что мнения И.С. Аксакова и А.С. Хомякова просто искажали исторические факты.

Несмотря на то, что Д.А. Милютин был одним из самых либеральных советников Александра II, его реформистские предложения носили ограниченный характер. Российская империя по форме правления оставалась самодержавной монархией: «... не стояло и вопроса о конституции ...»³⁷ Всё же нужно признать, что крайне умеренные планы, какими они кажутся сегодня, в тот период имели относительно прогрессивный характер. Во многом идеи реформ, как и его предложения о создании Балканской конфедерации были более утопичными, чем реальными. Если у военного министра и имелся шанс одобрения своих реформ до события 4 апреля 1866 г. – неудачного покушения ишутина (двоюродного брата самого основателя кружка Н.А. Ишутина) Д.В. Каракозова на императора Александра II³⁸, то после этого события эта возможность была исчерпана в результате возросшей активности революционеров-народников, с одной стороны, и усиливающейся реакционной политики правительства – с другой. Д.А. Милютин верил, что общественное спокойствие будет восстановлено только дальнейшим проведением преобразований, которые, по его мнению, как одного из реформаторов, смогут снять социальную напряжённость в народе.

К концу 1880 г. Д.А. Милютин стал утрачивать влияние на внутривластный курс. В этом плане позиции цесаревича-наследника, будущего императора Александра III, усилились. Как известно, впоследствии он придерживался метода решительных и бескомпромиссных действий в борьбе с революционерами-народниками, а не дальнейшего реформирования всех сфер общественной жизни³⁹.

Д.А. Милютин, как один из плеяды умеренных либерально настроенных государственных деятелей, выступавших за незыблемость власти монарха, стремился путём проведения соответствующих реформ, по его мнению, хоронивших средневековые, феодально-крепостнические пережитки, вывести империю на новый, более высокий уровень общественного развития. Но дальнейшему проведению либерально-буржуазных реформ не суждено было сбыться. После убийства народовольцами 1 марта 1881 г. Александра II, «царя-освободителя», через неделю, 8 марта, прошло Особое совещание министров под председательством нового императора Александра III, посвящённое обсуждению дальнейшей судьбы реформ⁴⁰. Однако при рассмотрении проекта М.Т. Лорис-Меликова, своеобразной «конституции», мнения на сей счёт разделились: Д.А. Милютин, министр финансов А.А. Абаза и П.А. Валуев, занимавший тогда пост председателя Комитета министров, поддержали этот проект, а министр почт и телеграфов Л.С. Маков, сенатор

граф С.Г. Строганов и глава министерства путей сообщения адмирал К.Н. Посьет выступили против. Обер-прокурор Святейшего синода, «русский папа», К.П. Победоносцев вообще огульно заклеил не только предлагаемый документ, но и практически все проводимые с 1861 г. реформы как преступную ошибку⁴¹. Как отмечал Д.А. Милютин в своём дневнике от 8 марта 1881 г., он уже догадывался, едва вступив в Зимний дворец, что судьба законопроекта Лорис-Меликова предрешена. Тем не менее, царь вынужден был принять решение – какой стороне отдать предпочтение. Глава Синода просто забрасывал его своими советами. 21 апреля 1881 г. Александр III, в конце концов, принял решение: «... чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собой совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях ...»⁴² Д.А. Милютин так описал тот день, когда состоялось очередное министерское совещание в Гатчине, – он сам и его сторонники воспряли духом в надежде, что можно было бы хоть что-то спасти⁴³. Вечером 28 апреля прошло известное министерское совещание у министра внутренних дел князя М.Т. Лорис-Меликова (для обсуждения проекта «конституционной реформы» князя)⁴⁴. На совещании была поставлена последняя точка в обсуждении коренных вопросов по дальнейшему либеральному реформированию империи. По сути дела, как всегда бывало в мировой практике, произошла замена одной команды государственных деятелей у монаршего престола на другую. Реакционная «партия» во главе с обер-прокурором К.П. Победоносцевым, используя иезуитские методы достижения цели и благосклонность самого монарха, взяла «верх» над либерально настроенными реформаторами. Военный министр, министр финансов А.А. Абаза, М.Т. Лорис-Меликов и остальные их соратники не ожидали такого изощрённого подвоха со стороны главы Святейшего синода, который, будучи автором знаменитого манифеста от 29 апреля 1881 г. и используя создавшееся положение в государстве, смог убедить императора Александра III пойти по пути дальнейшего укрепления основ самодержавного правления. После опубликования манифеста реформаторы приняли решение подать в отставку, ибо дальнейшее своё пребывание на своих постах при такой ситуации сочли невозможным. Для военного министра формальным поводом к отставке (прошение на Высочайшее имя было удовлетворено 22 мая 1881 года)⁴⁵ явилось предложение молодого самодержца занять пост наместника и главнокомандующего на Кавказе вместо великого князя, его дяди, Михаила Николаевича⁴⁶. Д.А. Милютин дал определённую оценку произошедшему: «Все надежды отнимаются у людей благомыслящих на постепенное движение к лучшему, к более совершенному государственному устройству. *Lasciate ogni speranza* (оставьте всякую надежду) – вот сущность нового манифеста. Страшно подумать,

какое невыгодное впечатление произведёт он в России и Европе»⁴⁷.

Со страниц «Дневника» как важного источника для изучения российской истории XIX в., можно было, таким образом, получить необходимую информацию о проводимой политике, поддерживаемой Д.А. Милютиным. Являясь важной частью мемуаров, принадлежащих перу видного государственного деятеля, стоящего на либеральных позициях, «Дневник» вводит в научный оборот ряд новых исторических фактов и большое количество довольно-таки интересных деталей. Профессор Л.Г. Захарова по достоинству оценила источниковую значимость данного труда военного министра Дмитрия Алексеевича Милютин: «В мемуарах Милютин отразилась в лицах и событиях история России прошлого века, внутренняя и внешняя...»⁴⁸ Во внутренней политике известный военный министр придерживался реформаторского курса, путём которого можно было бы перестроить всю административную систему империи, за исключением главного — власти самодержца. В отличие от многих своих современников, которые верили в уникальность судьбы русского народа, Д.А. Милютин считал, что России можно было бы многому научиться у Запада и перенять его позитивный опыт. В сфере внешней политики он оставался жёстким реалистом в оценке международного положения России. Так как Д.А. Милютин занимался военными проблемами, он прекрасно осознавал слабость и неспособность Российской империи противостоять в предполагаемой войне коалиции западных держав. Таким образом, подвижки могли бы быть сделаны только в тех сферах, где не было опасности формирования блоков враждебно настроенных по отношению к России государств. Д.А. Милютин выступал за сбалансированную, разумную политику и пытался проанализировать развитие событий как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах на долгую перспективу. Он принял поражение от тех государственных деятелей, чьи взгляды являлись ограниченными и реакционными.

Примечания

- ¹ Милютин Д.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. М., 1947–1950.
- ² Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. Т. I. М., 2008.
- ³ Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. Т. I. М., 1947. С. 75.
- ⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. Т. II. М., 1949.
- ⁵ См.: История Отечества с древнейших времён до наших дней: Энцикл. словарь. М., 1999. С. 245.
- ⁶ См.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биографический справочник. СПб., 2002. С. 417.
- ⁷ См.: Милютин Д.А. Дневник. 1881–1882. Т. IV. М., 1950. С. 5.
- ⁸ См.: Милютин Д.А. Дневник. 1881–1882. Т. IV. М., 1950. С. 6–7.
- ⁹ См.: Зайончковский П.А. Архив Д.А. Милютин // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 96–104.
- ¹⁰ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 51; Т. III. С. 3–5.
- ¹¹ Там же. Т. III. С. 68.
- ¹² См.: История Отечества ... С. 103.
- ¹³ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 81.
- ¹⁴ Там же. С. 82.
- ¹⁵ См.: Россия и черноморские проливы. XVIII–XX / Отв. ред. Л.Н. Нежинский и А.В. Игнатъев. М., 1999. С. 219.
- ¹⁶ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 52.
- ¹⁷ Там же. Т. III. С. 275; Т. IV. С. 162.
- ¹⁸ Там же. Т. III. С. 276–277; Т. IV. С. 20.
- ¹⁹ Там же. Т. IV. С. 68.
- ²⁰ См.: История Отечества ... С. 128.
- ²¹ См.: Милютин Д. А. Указ соч. Т. IV. С. 291.
- ²² См.: Козьменко И.В. Петербургский проект Тырновской конституции 1879 года // Исторический архив. М., 1949. Т. IV. С. 184–185.
- ²³ Он же. Первоначальные проекты Тырновской конституции // Освобождение Болгарии от Турецкого ига. М., 1953. С. 222–223.
- ²⁴ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. IV. С. 83–84; 173.
- ²⁵ Там же. Т. I. С. 54; Т. III. С. 90, 103, 109, 132, 138.
- ²⁶ Там же. Т. III. С. 248, 259–260, 281.
- ²⁷ Там же. С. 197–198, 218–219, 226–227, 297.
- ²⁸ См.: Княпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 97.
- ²⁹ Lepsius J. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1922. S. 17.
- ³⁰ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. I. С. 52–53.
- ³¹ Там же. Т. III. С. 158–160.
- ³² См.: Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 213.
- ³³ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 183; 233–236.
- ³⁴ Там же. С. 250–251.
- ³⁵ Там же. С. 167.
- ³⁶ Там же. Т. IV. С. 103.
- ³⁷ Там же. Т. I. С. 64.
- ³⁸ См.: История Отечества ... С. 234.
- ³⁹ См.: Милютин Д.А. Указ соч. Т. III. С. 211–219.
- ⁴⁰ Там же. Т. IV. С. 32.
- ⁴¹ Там же. С. 33–37.
- ⁴² Там же. С. 58.
- ⁴³ Там же. С. 59.
- ⁴⁴ Там же. С. 61.
- ⁴⁵ См.: Шилов Д.В. Указ соч. С. 417.
- ⁴⁶ См.: Рубцов Ю.В. Генерал-фельдмаршалы в истории России. М., 2004. С. 159.
- ⁴⁷ Милютин Д.А. Указ соч. Т. IV. С. 62–63.
- ⁴⁸ Захарова Л.Г. Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // Воспоминания графа генерал-фельдмаршала Милютин Д.А. 1816–1843. М., 1997. С. 5.